

мы подняли вопрос о том, нельзя ли усмотреть в подобных явлениях традиции самобытной переводческой школы, существовавшей в Древней Руси. Ведь большинство таких переводов отличается общей манерой изложения, одинаковыми стилистическими приемами, хотя они без сомнения были выполнены не одним и тем же переводчиком и не в одно время.⁴²

Теперь, когда в круг нашего исследования оказался включенным ряд новых материалов, мы имеем возможность повторить наше предположение с большей уверенностью.

В 1910 г. А. И. Соболевский первый попытался установить критерий, на основании которого можно было бы из массы памятников древнерусской переводной письменности выделить именно те, которые могли быть переведены непосредственно на Руси. В статье «Особенности русских переводов домонгольского периода» этот исследователь прямо поставил вопрос: «Как отличить переводы, сделанные в домонгольской Руси, от переводов, сделанных у южных славян, и что можно считать переведенным на Руси?»⁴³

А. И. Соболевский правильно полагал тогда, что основная трудность поставленного им вопроса заключается в большей или меньшей однотипности того славяно-русского литературно-письменного языка, который встречается нам во всех письменных памятниках, сохранившихся от киевской эпохи в подлинниках или в более поздних списках, бытовавших в рукописной традиции вплоть до XVI—XVII вв., независимо от места и времени происхождения подлинников.

Мы вполне можем поддержать и то положение, высказанное А. И. Соболевским, в котором он утверждал, что этот язык, встречаемый в переводных памятниках, существенными чертами не отличается от литературно-письменного языка, которым писались такие оригинальные произведения Древней Руси, как летописи, жития Феодосия Печерского или Бориса и Глеба, слово Илариона «О законе и благодати», проповеди Кирилла Туровского и даже «Слово о полку Игореве».

По причине однотипности языка, как считал А. И. Соболевский, почти невозможно отличить те переводы, которые были выполнены на Руси, от переводов иного происхождения, особенно в случаях, если эти произведения невелики по своему объему.

Мы можем согласиться с А. И. Соболевским в том, что если переводный памятник достаточно велик по объему, то значительно легче решить вопрос о месте перевода, исходя из данных его языка.

Каков же основной критерий, которым следует руководствоваться в этих случаях? Соболевский был в том отношении прав, что признаки фонетические и морфологические легче всего подвергались изменениям при переписке переводного памятника русскими писцами и редакторами. Поэтому такие черты языка могут быть использованы лишь в качестве дополнительных свидетельств, но все же вовсе пренебрегать ими не следует. Особо же важное значение имеет для определения, где был сделан перевод, характерная лексика, присутствующая в словарном составе перевода.

Как и в нашей предыдущей статье, мы можем высказать свое согласие с этим лексическим критерием, который был выдвинут А. И. Соболевским, но признать его нуждающимся в некотором уточнении. Впоследствии

⁴² Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 55.

⁴³ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. — СОРЯС, т. XXXVIII, вып. 3, 1910, стр. 162.